

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

СБОРНИК МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Учрежден директором Музея антропологии и этнографии
при Императорской Академии наук академиком В. В. Радловым в 1900 г.

LXVI

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ

Выпуск 2

Санкт-Петербург
2019

И. В. Стасевич

КИРГИЗСКИЙ ЖЕНСКИЙ ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ПО ФОТОИЛЛЮСТРАТИВНЫМ КОЛЛЕКЦИЯМ МАЭ РАН И СОВРЕМЕННЫМ ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению фотоиллюстративных материалов по традиционному киргизскому костюму из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, датирующихся 20–30 годами XX в. В качестве сравнительных данных привлечены современные фотографии автора статьи, сделанные в ходе полевых этнографических экспедиций последних лет. Развитие костюмного комплекса рассмотрено в диахронической перспективе, в соответствии с процессами трансформации и модернизации киргизской культуры. Автор уделяет внимание и современному состоянию традиции изготовления и ношения элементов традиционного киргизского костюма, оценивая деятельность общественных организаций как попытку восстановления эстетической, символической и практической функций традиционного костюма в рамках этнографических инсценировок. В современном киргизском обществе ношение традиционного костюма имеет ограниченное каким-либо событием время, в повседневной жизни современные киргизские женщины носят в лучшем случае элементы традиционного костюма — жилетки, камзолы, декорированные ручной вышивкой, головные платки. Национальный киргизский костюм представляет собой своеобразный сплав современных форм одежды и сохранившихся элементов традиционного костюма. При анализе современной практики автор использует собственные полевые материалы. Наряду с текстовыми материалами фотоснимки являются важнейшим источником по истории костюмного комплекса. Предметные и фотоиллюстративные коллекции музеев активно используются при реконструкции традиционных форм культуры, современное воспроизведение практик шитья и носки традиционного костюма во многом опирается на исторические фотографии и музейные коллекции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фотография, этнография, костюм, киргизы, МАЭ РАН.

СТАСЕВИЧ ИНГА ВЛАДИМИРОВНА — канд. ист. наук, с.н.с., отдел этнографии Центральной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: stinga73@mail.ru

УДК 391(512)

DOI 10.31250/0131-3703-2019-66-87-109

Начиная работу, связанную с изучением костюмного комплекса, мы, как правило, обращаемся к фотоиллюстративным коллекциям. Нередко этнографическая фотография становится одним из основных источников при реконструкции традиционного костюма, дополняя текстовые материалы визуальным образом. Такое сочетание информации дает возможность провести ретроспективный сравнительный анализ, что, несомненно, важно при описании современного состояния традиции.

В фондах МАЭ хранятся уникальные фотоиллюстративные материалы по традиционной киргизской культуре. Самые ранние коллекции датируются последними десятилетиями XIX — первой третью XX в. Киргизия — труднодоступная горная страна. Колонизационные процессы в этой части Центральной Азии активизировались только к середине XIX в., что было обусловлено рядом экономических и политических причин. В первую очередь стимулирующим фактором распространения политического влияния России в этой части Центрально-Азиатского региона стали попытки захвата Туркестана, включая Киргизию, восточными странами и Великобританией. Россия, понимая важное политико-стратегическое значение Туркестана, не могла потерять этот регион. Однако Туркестан был менее известен России, чем пограничные земли казахских степей, где уже в это время формировались цепочки русских крепостей и российское влияние ощущалось достаточно явно.

Именно к концу XIX — началу XX в. активизировалось и научное направление, связанное с исследованием культуры и быта аборигенного населения Киргизии. На общем фоне изучения материальной культуры киргизов можно выделить несколько работ, в которых значительное внимание авторы уделяют генезису форм одежды и динамике развития киргизского костюмного комплекса (Абрамзон, Антипина и др. 1958; Антипина 1962; Абрамзон 1971; Махова 1979; Кочкунов, Омурбеков 2016 и др.).

В предложенной вниманию читателей статье речь пойдет о нескольких коллекциях, датирующихся концом 20-х годов XX в. Временной отрезок выбран не случайно. В этот период началась трансформация традиционной культуры кочевников под воздействием модернизационных процессов XX в., включая социально-политические и экономические изменения, связанные с установлением в регионе советской власти и переводом кочевых и полукочевых народов на полупоседлый, а затем на оседлый образ жизни.

Естественно, трансформации подвергся и традиционный костюмный комплекс, что само по себе стало следствием изменений не только образа жизни, но и системы ценностных ориентиров киргизского общества. Этнографические исследования по истории костюма тесно переплетаются с такими научными направлениями, как изучение национального самосознания, анализ форм адаптации традиционной культуры в современном мире. Начиная с 1991 г., со времени объявления Киргизией государственной независимости, одной из основополагающих линий официальной политики суверенного государства стало возрождение национальной киргизской культуры, что повлекло за собой актуализацию архаичных (традиционных) ценностей, в том числе костюмного комплекса, который прочно занял место одного из символов национальной культуры.

Но вернемся в Киргизию 20-х годов XX в. Предмет нашего исследования — женский костюм, который по сравнению с мужским обладает определенной консервативностью, что связано со спецификой женской субкультуры, ориентированной на семейные ценности и традиции, в отличие от мужской субкультуры — более открытой инновациям в общественной и обрядовой жизни.

Одна из первых больших коллекций (более 100 негативов и напечатанных с них фотоснимков) по культуре киргизов поступила в МАЭ в 1928 г. от известного лингвиста-тюрколога, академика Академии наук Киргизской ССР, члена-корреспондента АН Узбекской ССР Константина Кузьмича Юдахина (МАЭ № 3793). Научная деятельность К. К. Юдахина тесно связана с Киргизией, с изучением не только киргизского языка, но и культуры населения страны. Итогом многолетних исследований стала публикация в 1940 г. составленного им первого Киргизско-русского словаря, в котором кроме языковых данных содержатся и историко-этнографические материалы. В этом же году К. К. Юдахину было присвоено звание заслуженного деятеля науки Киргизской ССР, а уже в 1944 г. ему предложили переехать на постоянное место жительства в город Фрунзе (г. Бишкек), где он и проработал долгие годы заведующим сектором киргизского языка Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН ССР, профессором Киргизского государственного педагогического института, профессором кафедры киргизского языка Киргизского государственного университета (Прищепова 1998: 44–54; 2000: 116–117). Коллекция К. К. Юдахина была зарегистрирована только в 1932 г. сотрудницей МАЭ Елизаветой Парменовной Николаичевой, она же составила опись негативов и фотоотпечатков, вполне вероятно, используя при аннотировании записи собирателя.

Фотоснимки на негативах коллекции МАЭ № 3793 были изготовлены К. К. Юдахиным во время его командировки в г. Каракол, среди них — изображения юрт, стационарных жилищ, мужчин и женщин, занимающихся домашними ремеслами, детей, играющих в национальные игры, различных орнаментов и, конечно, костюмов. Вполне вероятно, что автор не ставил задачу фиксации элементов традиционного костюма в различные периоды функционирования — от обрядовых практик до повседневных житейских ситуаций, однако сюжетное разнообразие фотоснимков позволяет оценить специфику одежды женщин, занятых повседневным трудом, позирующих фотографу в праздничных костюмах или сфотографированных в естественных условиях, без предварительной подготовки, а также увидеть костюмы женщин разных возрастов, малолетних девочек и молодых девушек, только вступивших в возраст невест.

К сожалению, два фотоснимка с изображениями самого К. К. Юдахина, видимо, сделанные во время его командировочной поездки, были исключены из состава коллекции в 1932 г. как «личные материалы» и возвращены собирателю. Несомненно, что сейчас, спустя почти сто лет, эти материалы могли бы дополнить коллекцию и стать прекрасным историческим документом, иллюстрирующим эпоху.

Среди учеников К. К. Юдахина — Надежда Петровна Дыренкова, от нее и ее коллеги Иоанны Дмитриевны Старынкевич в 1928 г. в МАЭ поступила коллекция негативов и фотоотпечатков, которую мы также используем в своем исследовании (МАЭ № 3661). Будучи еще молодыми практикантками, в 1926 г. они

были командированы МАЭ в Ат-Башинский район (современная Нарынская область Киргизии), где и проводили свои научные изыскания в рамках Семиреченской этнографической экспедиции. Н. П. Дыренкова, позднее ставшая известным этнографом, специализирующимся на изучении культуры тюркских народов Сибири, занималась сбором материалов по социальной организации киргизов, а И. Д. Старынкевич сосредоточила внимание на исследовании материальной и духовной культуры киргизов, в том числе на изучении традиционного киргизского костюма, как мужского, так и женского. Она же стала и регистратором коллекции. Большой интерес представляют фотографии¹, на которых изображены женщины с малолетними детьми: они являются прекрасным источником для изучения темы, связанной с детством и воспитанием киргизских детей.

Таким образом, мы имеем две фотоколлекции, собранные в северной Киргизии в одно и то же время. Напомню, что традиционно культура киргизов, сохраняя общее единообразие, разделяется на северный и южный локальные варианты, причем региональные различия в материальной и духовной культуре, а также социально-политическое размежевание северных и южных районов Киргизии сохраняются до настоящего времени.

В традиционном костюмном комплексе мы наблюдаем те же тенденции — заметное единообразие костюма XIX — начала XX в. не исключает выделения локальных вариантов, обусловленных спецификой этнокультурных процессов, протекающих в регионе. Общей характеристикой костюмного комплекса киргизов является адаптированность предметов одежды к особым климатическим условиям горной местности, к кочевому и полукочевому образу жизни. Одежда отражала специфику социальной и половозрастной организации киргизского общества, принятые религиозные нормы. Локальные варианты традиции ношения того или иного предмета костюма формировались под воздействием торговых связей, культурных контактов с соседними народами, а часто и под влиянием правил отдельной семейно-родственной группы, которая формировала канон ношения головного убора, цветовую гамму костюма, покрой верхней одежды. Именно к 30-м годам XX в. этнографы фиксируют начало активной нивелировки родовых обычаев ношения традиционных элементов костюма. В жизнь киргизов постепенно внедряется новый, во многом единообразный костюм «советского человека», традиционный костюмный комплекс постепенно превращается в национальный костюм².

В традиционный киргизский женский костюмный комплекс верхней одежды входят: шуба *ичик*, халат *чапан*, приталенный *бешмант*, одежда типа камзол с короткими (до локтя) рукавами *кемсел*, безрукавки, платье *көйнөк*, распашная юбка *белдемчи*; головные уборы: девичий *тебетей*, свадебный *шөкүлө*, головной убор замужних женщин *элечек* или *каляк*, тюбетейка *топу*, платок *жоолук*.

¹ При написании статьи использовались фотоотпечатки, сделанные с негативов коллекций № 3793 и 3661.

² В данном исследовании национальный костюм рассматривается как явление достаточно позднее, как обобщенный образ, который воспроизводит, по мнению носителей культуры, традиционные образцы. Традиционный костюм для нас, как правило, ассоциируется с музейными предметами, характеризующими традиционную культуру изучаемого этноса.

Рис. 1. Головной убор замужней женщины-киргизки. Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Киргизская автономная область. К. К. Юдахин. 1928 г. МАЭ № 3793-39

Из обуви киргизские женщины предпочитали сапоги *өтүк*, мягкие сапожки *маасы*, галоши *кепич* (*көлөш*).

К сожалению, ни авторы фотографий, ни регистраторы коллекций при аннотировании материалов не указали названий многих типов одежды, поэтому при написании статьи приходилось обращаться к известным аналогиям. Одним из источников стал Киргизско-русский словарь, составленный К. К. Юдахиным (Киргизско-русский... 1965), в котором содержатся названия и описания киргизской одежды, а иногда указываются и региональные варианты использования терминов.

Фотографии — особый вид источника, в котором основной акцент делается на верхнюю одежду, включая головной убор. Именно головной убор замужних женщин — *элекек*, *каляк* (характерен для южного варианта культуры) — традиционно рассматривается как наиболее информативный предмет женского костюма. По форме тюрбана можно было сказать не только о родовой принадлежности женщины, но и о ее возрасте, социальном положении. В нашем случае тюрбаны *элекек* киргизских женщин типичной формы, характерной для северных районов Киргизии, — с подбородочной повязкой (МАЭ № 3793-39 (рис. 1), 3793-109, 3661-10). Кроме того, можно видеть тюрбаны с хвостовой частью, характерные для женщин среднего и старшего возраста (МАЭ № 3661-34; рис. 2). Молодые замужние женщины предпочитали носить тюрбан без хвостовой части, декорированный серебряным украшением *күмүш-кыргак*, султанами из перьев филина или журавля. В основном на фотографиях зафиксированы женщины возрастной группы 30–45 лет, их тюрбаны имеют ровные выступы, подбородочную повязку, украшения типа *күмүш-кыргак* отсутствуют (МАЭ № 3793-79; рис. 3).

Рис. 2. Поминки на кладбище близ местности Тат-Рабат. Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Семиреченская область, Нарынский район. Н. П. Дыренкова, И. Д. Старынкевич. 1926 г. МАЭ № 3661-34

Рис. 3. Головной убор замужней киргизки. Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Киргизская автономная область. К. К. Юдахин. 1928 г. МАЭ № 3793-79

Рис. 4. Группа девушек в праздничных нарядах. Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Семиреченская область, Нарынский район. Н. П. Дыренкова, И. Д. Старынкевич. 1926 г. МАЭ № 3661-25

Рис. 5. Смешанная группа в юрте. Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Семиреченская область, Нарынский район. Н. П. Дыренкова, И. Д. Старынкевич. 1926 г. МАЭ № 3661-28

Однако, судя по фотографиям, к концу 20-х годов XX в. *элчек* у северных киргизов вытесняется из повседневной жизни платком пестрой и однотонной расцветки (МАЭ № 3661-28), часто фабричного российского производства, тюрбан становится обрядовым и праздничным головным убором женщин среднего и преклонного возраста (МАЭ № 3661-25; рис. 4). Опять же, отталкиваясь от фотографий, можно выделить два способа повязывания платка — под подбородком и на затылке (МАЭ № 3793-50, 3661-3, 3661-20, 3661-28 (рис. 5), 3793-105 (рис. 6), 3661-19). Через несколько десятилетий *элчек* как тип голов-

Рис. 6. Киргизки вьют шерстяную веревку. Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Киргизская автономная область. К. К. Юдахин. К. 1928 г. МАЭ № 3793-105

ного убора, по крайней мере в Прииссыккулье, практически выйдет из употребления, праздничным головным убором станет шелковый фабричный платок или белая вязаная шаль с бахромой (Абрамзон и др. 1958: 182). Вязание на спицах и крючком, как и вышивку крестом, киргизские женщины переймут у русских переселенцев.

Женские украшения на фотографиях практически отсутствуют, это говорит, скорее всего, о том, что на большинстве снимков женщины представлены в повседневных костюмах. Кроме того, такие украшения, как кольца, браслеты, серьги, относящиеся к предметам повседневной носки, зафиксированы на фотографиях крайне редко. Это связано и со спецификой фотоснимков того времени, где акцент делается на крупный объект, фигуру человека в полный рост, и со спецификой самого женского костюма, в котором области запястья и ушей часто оказываются закрытыми верхней одеждой и головным убором.

На фотографии из коллекции МАЭ № 3661 «Группа девушек в праздничных нарядах» (МАЭ № 3661-25; рис. 4) мы видим шейные украшения: ожерелья и коралловые бусы. Наиболее интересным оказывается старинный тип височно-подбородочного украшения *сөйкө желбүрөөч*, имеющий форму массивных конусовидных подвесок, соединенных цепочкой (МАЭ № 3661-25, рис. 4; МАЭ № 3793-79, рис. 3). Такого рода украшения носили просватанные девушки и молодухи, по всей видимости, в первый год брака, до момента первого накручивания головного убора замужних женщин *элечек*. Это украшение не для повседневной носки, его надевали на обрядовые мероприятия и праздники, например во время свадьбы, перекочевки, приема гостей или поездки в гости. На групповой фотографии из коллекции Н. П. Дыренковой и И. Д. Старынкевич (МАЭ № 3661-25; рис. 4) есть изображение девушки (пятая справа в первом

ряду) в девичьем головном уборе *тебетей* с украшением *сөйкө желбурөөч*, которое крепится, по всей видимости, в районе висков к волосам. Такой способ носки считается традиционным. На фотографии из коллекции К. К. Юдахина (МАЭ № 3793-79; рис. 3) мы видим совершенно иной способ крепления *сөйкө желбурөөч* — украшение закреплено на вороте верхней одежды и спускается на грудь. Кроме того, надето оно на женщину замужнюю, которая носит *элечек*, что по идее противоречит традиции. Фотография называется «Головной убор замужней киргизки (*елечек*)», для автора снимка было важно зафиксировать именно форму тюрбана, которая считается своего рода классической, распространенной в костюмном комплексе женщин, живущих в районе Прииссык-куля. Кадр постановочного характера, вполне вероятно, что женщина хотела продемонстрировать имеющееся у нее *сөйкө желбурөөч*, которое ценилось и входило в приданое, и закрепила его в качестве нагрудного украшения. Вряд ли эта практика ношения является распространенной, скорее она имеет ситуативный характер.

Из верхней одежды на фотографиях в большом количестве представлены платья, камзолы и в значительно меньшем — халаты (МАЭ № 3661-10, 3661-11, 3661-34, 3793- 67). Женский стеганный *чапан* на вате имел одинаковый покрой с мужским, его шили с длинными рукавами, без застежек. К. К. Юдахин в своем Киргизско-русском словаре стеганные халаты такого типа, крытые толстой тканью, называет *чепкен* (Киргизско-русский... 1965, кн. 2: 359). К сожалению, качество фотографий в большинстве случаев не позволяет определить форму воротника халата. Обычно воротник халата был стоячий сзади и прилегающий спереди (МАЭ № 3661-11; рис. 7).

В это время на севере Киргизии распространенным становится отрезное по лифу платье (*бүйүрмө көйнөк*), которое приходит на смену традиционному

Рис. 7. Сложенная юрта и домашняя утварь, навьюченная на яков для кочевки. Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Семиреченская область, Нарынский район. Н. П. Дыренкова, И. Д. Старынкевич. 1926 г. МАЭ № 3661-11

туникообразному крою с горизонтально-вертикальным разрезом ворота, украшенного в северных регионах вышивкой *өңүр*. Именно этот тип платья с незначительными вариациями дошел до наших дней и является частью современного национального киргизского костюма. На представленных фотографиях мы видим уже другие варианты декорирования платья — оборки, рюшки, манжеты (МАЭ № 3793-11, 3793-79; рис. 3). Стоячий и отложной тип воротника заменяет традиционную вышивку *өңүр*. Черно-белые фотографии не позволяют в полной мере оценить цветовую гамму киргизских платьев, но можно сказать, что в костюме женщин молодого и среднего возраста преобладают платья светлых оттенков (МАЭ № 3793-28, 3661-3, 3661-15, 3661-20), хотя следует иметь в виду, что «темные» платья молодых женщин и девушек на черно-белых фотографиях на самом деле могут быть красного цвета, традиционно предпочтительного в костюме молодых и девушек в возрасте невест.

Со второй половины XIX в. среди северных киргизов широкое распространение получил новый тип верхней одежды — *бешмант* (МАЭ № 3793-79, рис. 3; 3661-25, рис. 4). В отличие от других видов, *бешмант* кроился плотно по фигуре, спинка и борта выкраивались отдельно, по длине обычно доходил до колен, рукава, как правило, были на всю длину руки. *Бешмант* имел воротник-стойку, застегивался на пуговицы, часто серебряные, шился из дорогих материй, предпочтение киргизские женщины отдавали бархату. Судя по фотографиям, в конце 1920-х годов *бешмант*, как и *кемсел*, безрукавная одежда *келтече* (*күрмө*) (МАЭ № 3793-15, 3793-41, 3793-105; рис. 6), входили как в повседневный, так и в праздничный костюм киргизских женщин.

Обратимся к девичьему костюму. На фотографии МАЭ № 3661-46 «Две девочки. Одна в праздничной одежде, другая в домашней» (рис. 8) мы видим одежду для повседневной носки — платье, короткополую безрукавку с отложным воротником и двумя крупными металлическими (серебряными?) пуговицами — и праздничный комплект одежды, куда входит платье, по всей видимости шелковое, бархатный *бешмант* и девичий головной убор *тебетей*, отороченный полоской меха, с плоским круглым верхом. *Бешмант* имеет глубокий правосторонний запах, по борту украшен нашитыми, скорее всего, серебряными пуговицами. Примечательно, что укороченные рукава платья девочки, стоящей слева, позволяют увидеть парные серебряные браслеты на ее руках. Прически девочек традиционны — много мелких косичек, у лица косички заплетаются у висков.

На фотографии МАЭ № 3661-19 (рис. 9) малолетняя девочка и ее мать одеты в *бешманты*, но одежда девочки украшена перламутровыми пуговицами, что также является традиционным способом декорирования детской и девичьей одежды (такой же тип декорирования детского *бешманта* мы видим на фотографии МАЭ № 3661-18). Еще один тип девичьей верхней одежды — короткая жилетка *чыптама* — показан на фотографии МАЭ № 3661-28 (девушка в первом ряду, вторая слева; рис. 5).

Фотографии 1920-х годов раскрывают и специфику быта того времени. Традиционный кочевой образ жизни преобладает среди северных киргизов сельских районов, влияние городской культуры и производственной деятельности ощущается слабо, основным жилищем остается юрта, а следовательно, и в кос-

Рис. 8. Две девочки. Одна в праздничной одежде, другая в домашней.
Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Семиреченская область, Нарынский район.
Н. П. Дыренкова, И. Д. Старынкевич. 1926 г. МАЭ № 3661-46

тюме все еще сохраняются предметы, характерные именно для кочевого быта, удобные и практичные в повседневной носке. На нескольких фотографиях К. К. Юдахина мы видим распашную набедренную одежду *бельдемчи*, являющуюся частью костюма замужних женщин (МАЭ № 3793-28 (рис. 10), 3793-52,

Рис. 9. Женщина кормит ребенка грудью, не вынимая из люльки. Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Семиреченская область, Нарынский район.
Н. П. Дыренкова, И. Д. Старынкевич. 1926 г. МАЭ № 3661-19

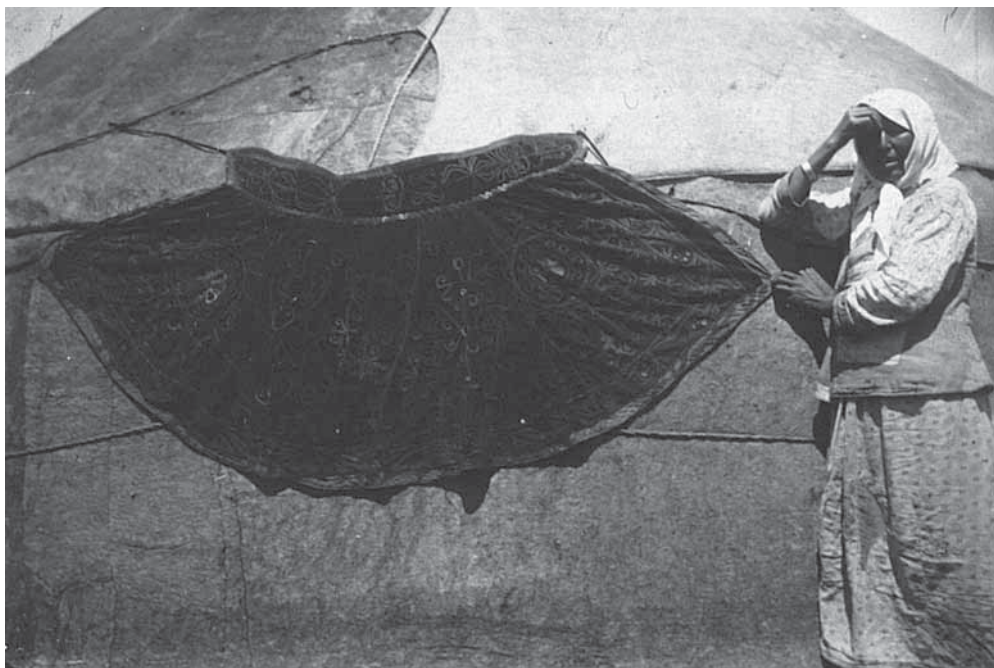

Рис. 10. Киргизская орнаментированная распашная юбка. Негатив, фотоотпечаток.
Киргизы. Киргизская автономная область. К. К. Юдахин. 1928 г. МАЭ № 3793-28

3793-94, 3793-109). Такая юбка незаменима при перекочевках в холодное время года, во время домашних работ на свежем воздухе, при резкой смене температуры в горных районах даже в летний сезон. Судя по данным исследователей 50-х годов XX в., этот тип женской одежды уже через несколько десятилетий практически выйдет из употребления и сохранится только в костюмах женщин

Рис. 11. Киргизка оплакивает мужа. Траурный костюм «тул». Негатив, фотоотпечаток. Киргизы. Киргизская автономная область. К. К. Юдахин. 1928 г. МАЭ № 3793-78

преклонного возраста, причем шить *бельдемчи* будут из темной ткани и без вышивки (Абрамзон и др. 1958: 179). На имеющихся у нас фотографиях мы видим великолепно декорированные вышивкой образцы распашной юбки, характерной именно для северного варианта женского костюма. Такую юбку шили из трех скошенных клиньев, пришитых сборками к широкому твердому поясу, и богато украшали традиционной вышивкой.

Еще один уникальный снимок — К. К. Юдахин смог сфотографировать вдову во время траура (МАЭ № 3793-75, 3793-78; рис. 11), таким образом, мы имеем возможность оценить не только костюм женщины во время годового траура, но и позу, специфику поведения вдовы в момент оплакивания умершего мужа. Состояние траура для женщины маркировалось несколькими способами, основной из них — внешний вид, ее костюм. В костюме вдовы, как и в повседневном, и в праздничном женском костюме, можно выделить региональную специфику, связанную с традициями семейно-родственной группы умершего супруга. Запреты в поведении женщины, находящейся в трауре, часто становятся серьезным препятствием для общения исследователя с вдовой, поэтому фотографии, сделанные К. К. Юдахиным, — действительно уникальный материал, иллюстрирующий традицию ношения траура в Прииссыккулье.

Самым информативным предметом костюма вдовы, как обычно, оказывается головной убор. Платок не завязан, частично закрывает лицо, его концы свободно спускаются на плечи женщины, на макушке он перехвачен траурной повязкой. Платок темного тона, с цветочным орнаментом, с кистями, видимо кашемировый. На плечи вдовы наброшен темный *чапан*. Женщина сидит, подогнув под себя ноги и уперев руки в бока, — в так называемой «позе скорби»,

строго запрещенной в повседневной жизни. На руках женщины отсутствуют кольца — элементарные украшения, без которых женщина считается «нечистой», ей запрещается даже готовить пищу. В костюме женщины украшения отсутствуют только в трех случаях: во время родов, в случае ее смерти (при облачении в саван с женщины снимают все украшения) и в случае траура (Стасевич 2011: 70). Платок закрывает прическу вдовы, но мы можем быть уверены, что волосы женщины распущены.

Интересна подпись под фотографией МАЭ № 3793-78 «Киргизка оплакивает мужа. Траурный костюм тул». Само выражение «сделать тул» означает «стать вдовой». К. К. Юдахин в своем словаре приводит два значения лексемы *тул*: 1) изображение умершего мужа (на деревянном остоле его верхняя одежда, шапка), которое ставилось над местом супружеского ложа (сидя под этим изображением, жена оплакивала мужа); 2) вдова (в том числе и невеста после смерти жениха); *тул катын* вдова (до года после смерти мужа) (Киргизско-русский... 1965, кн. 2: 265). Е. К. Жанпеисов полагает: «...данные ряда тюркских языков свидетельствуют, что термин *тул* исторически связан со значением “наружность, внешний вид”» (Жанпеисов 1989: 62). По всей видимости, в данном случае термин «тул» используется для обозначения вдовы.

Исследуемый нами фотоиллюстративный материал показывает, что такие традиционные занятия женщин, как ткачество на узконовойном станке (МАЭ № 3793-19), обработка кожи (МАЭ № 3793-44, 3793-50, 3793-67), валяние войлока (МАЭ № 3793-34, 3793-92), витье шерстяных веревок (МАЭ № 3793-11, 3793-105, 3793-116), в 1920-х годах сохраняются в культуре и являются неотъемлемой частью повседневной жизни киргизской женщины.

Ради сравнения можно обратиться к фотоиллюстративным коллекциям МАЭ РАН конца 30-х годов XX в. Изменения коснулись тематической направленности коллекций, довольно большое количество фотографий отражает новый городской тип жизни киргизов, развитие промышленности в регионе, общественной жизни, коллективизацию сельского хозяйства (например, коллекция МАЭ И 1005, поступила от О. И. Шацкой; МАЭ И 1019, поступила от В. В. Екимовой в 1939 г.). Видимые изменения мы наблюдаем и в костюме женщин того времени. Наиболее яркий пример — замена традиционного *бешиманта* пиджаком *кастум* городского фасона (МАЭ И 1019-14 (рис. 12), МАЭ И 1019-51). Этот тип одежды появляется в Прииссыккулье под влиянием русскоязычного городского населения, о чем свидетельствует не только его фасон, но и название (Абрамзон и др. 1958: 182). Именно на севере страны влияние городского образа жизни и русификация культуры ощущаются наиболее явно, в отличие, скажем, от южных регионов Киргизии. Устойчивым элементом костюмного комплекса замужних женщин остается головной платок.

На сегодняшний день национальный киргизский костюм представляет собой своеобразный сплав современных форм одежды с сохранившимися элементами традиционного костюма. Именно ношение национального костюма стало визуальным подтверждением приверженности большинства киргизов исконным традициям. Можно было бы ожидать постепенного затухания интереса к ношению «традиционного костюма», однако, наоборот, последние несколько лет мы наблюдаем новый всплеск своего рода моды, особенно среди

Рис. 12. Передовица сахарной свеклы Атарбаева Турсун. Фотоотпечаток. Киргизы.
Киргизская ССР. В. В. Екимова. 1938 г. МАЭ И 1019-14

женщин, не просто на ношение традиционных элементов костюма, но и на внедрение среди городского и отчасти сельского населения этностила, сочетающего элементы традиционного костюма с современным кроем и декорированием.

Предметы национального костюма и предметы, выполненные в этностиле, могут быть как высокого качества, ручной работы, так и носить массовый характер, продаваться по низкой цене на местных рынках. Каждая женщина выбирает себе предметы гардероба в зависимости от материального достатка. Кроме того, значительная часть подобных предметов попадает в семью посредством системы дарообмена.

Рис. 13. Современная распашная юбка *бельдемчи*. Фотоотпечаток. Киргизы. Таласская область. И. В. Стасевич. 2013 г.

Не будем забывать, что отличия в костюмном комплексе зависят и от места проживания женщин. Несомненно, тяга к ношению элементов традиционного костюма заметно выше у сельских жительниц среднего и пожилого возраста.

Современные киргизские женщины утверждают, что традиционный женский костюм (*элечек*, распашная юбка *бельдемчи*, отрезное по лифу платье, мягкие сапожки с галошами) в Северной Киргизии дольше всего сохранялся как повседневный в культуре населения Таласской и Нарынской областей. Они связывают это с тем, что «районы Таласа и Нарына удаленные, обособленные, там всегда обычай держали хорошо, еще 30 лет назад можно было встретить старушку в *элечеке*, а *бельдемчи* и сейчас носят» (ПМА; рис. 13)³.

³ При написании статьи использованы полевые материалы автора (ПМА). Этнографические экспедиции в Иссык-Кульскую, Таласскую, Нарынскую области Киргизии в 2012, 2013, 2016 гг. (Архив МАЭ. К-1. Оп. 2. № 2120, 2122, 2182, 2183, 2246).

Рис. 14. Женщины в современных костюмах, сшитых в национальном стиле. Фотоотпечаток. Киргизы. Иссык-Кульская область. И. В. Стасевич. 2016 г.

Со временем региональные различия костюмного комплекса сгладились. Женщины путаются в традиционных названиях элементов костюма. Общим названием для вышитой верхней одежды в национальном стиле в настоящее время является широко употребляемый термин «сайма чапан» / «сайма чепкен». Так могут назвать и жилетку, как длинную, так и короткую, халат, безрукавку. Основной акцент переносится на традиционный способ декорирования предмета — «сайма» переводится с киргизского языка как «вышивка» (рис. 14).

Многие женщины носят покупные *элечеки*, несоответствующие по конструкции традиционным. Основу этих головных уборов составляет картонный каркас, обтянутый белой тканью (рис. 15). Именно такие головные уборы часто встречаются в сценических костюмах женщин, выступающих на всевозможных фестивалях, концертах, официальных праздничных мероприятиях.

Другой вариант существования традиции — ношение женщинами *элечек*, накрученных по правилам, широко бытовавшим вплоть до середины XX в.

Рис. 15. Женщина в покупном элечеке. Фотоотпечаток. Киргизы. Иссык-Кульская область. И. В. Стасевич. 2013 г.

(рис. 16). Женщины, которые славятся таким умением, уважаемы в поселке, к ним обращаются за помощью в накручивании традиционного *элечека*, а некоторые просят научить их этим навыкам. Таким образом, знания о традиции накручивания и ношения *элечека* передаются из поколения в поколение традиционным способом, но имеют ограниченный локус существования (Стасевич 2017б: 312–320).

Интерес к традиционному костюму в киргизском обществе поддерживается общественными организациями. Одна из них — центр «Кийиз дүйнө» (дословно «Мир войлока»), основной офис которого находится в Бишкеке, а организованный сотрудниками центра Музей традиционного костюма — в п. Кызыл-Туу. Проект существует при поддержке Фонда Кристенсена. Кроме возрождения и сохранения знаний по традиционному киргизскому войлочному ремеслу, с 2013 г. центр активно занимается исследованиями традиционного киргизского костюма. Основными источниками информации для сотрудников центра являются научные публикации историков и этнографов, фотоиллюстративные материалы и, что было особенно интересно, сведения, полученные от женщин старшего поколения. В 2015 г. центр занялся реконструкцией и созданием коллекции мужских, женских и детских костюмов. Кроме этого, проект рассчитан на проведение мастер-классов для всех желающих. Занятия ведут сотрудники центра и сами носители традиции — женщины старшего поколения, помнящие специфику накручивания *элечека*, покрой традиционной одежды и особенности ее ношения. В рамках проекта были проведены два фестиваля, а в 2015 г. впервые был открыт этнографический лагерь «Киргиз

Рис. 16. Женщина в традиционном костюме *элечек*, характерном для северного варианта киргизской культуры. Фотоотпечаток. Киргизы. Иссык-Кульская область. И. В. Стасевич. 2016 г.

айылы». Участники в течение всего сезона носили традиционные костюмы, постигали знания традиционного киргизского быта, обучались ремеслам, правилам ухода за скотом и приготовления традиционной пищи.

Сотрудницы центра владеют навыками шитья традиционного костюма, они шьют не только отрезные по лифу киргизские платья, но и платья старого

Рис. 17. Сотрудница центра «Кийиз дүйнө» в накрученном по традиции *элечке*. Фотоотпечаток. Киргизы. Г. Бишкек. И. В. Стасевич. 2016 г.

туникообразного кроя с длинными рукавами, умеют накручивать разные региональные типы *элечек*ов (рис. 17).

Перед нами — попытка небольшого коллектива единомышленников восстановить эстетическую, символическую и практическую функции традиционного костюма, конечно, не в повседневной жизни, а в рамках этнографических инсценировок. Если большинство информанток (даже те, кто надевает по праздникам традиционный *элечек*) утверждают, что носить в повседневной жизни этот головной убор неудобно из-за его солидного веса, что противоречит известным традиционным правилам ношения данного головного убора, то сотрудники центра «Кийиз дүйнө», наоборот, пропагандируют эту практику. Правда, сами носят традиционный костюм только по праздникам, во время этнографических фестивалей и функционирования этнографического лагеря (около месяца), условия в котором максимально приближены к кочевой жизни начала XX в. В этом случае воспроизведение традиций происходит не ради интереса зрителей, а ради самих участников, цель которых — познание норм и правил кочевой жизни. Другой вопрос, что послужило источником информации о традиционной киргизской культуре для организаторов этнографического лагеря, но это тема другого исследования. Отмечу только, что, судя по данным, полученным от информантов, основную роль в этой этнографической инсценировке играли представители старшего поколения, носители традиции.

Функционирование такого рода центров не является продиктованной сверху инициативой, не контролируется властными структурами, а скорее исходит из своего рода творческого позыва, рожденного внутри локального сообщества — одного поселка, который еще в советское время славился своими

мастерами, носителями традиционных форм культуры. Именно мастерицы, обычные жительницы поселка, выступили инициаторами создания музея, проведения занятий для всех желающих, интересующихся традиционной киргизской культурой. И таких желающих как в городе, так и в сельской местности оказалось немало. Несомненно, свою роль сыграл и общественный статус мастериц — знатоков и носительниц традиционного знания.

Не нужно забывать, что передача традиций происходит и на уровне семьи, именно этот механизм передачи традиционных знаний остается сегодня основным в сохранении норм этикета, представлений о внутрисемейных статусах и, естественно, о правилах и нормах поведения женщин, особенно замужних. По тому, как одевается женщина, ведет себя со старшими, судят не только о ее воспитании, но и о семье ее мужа (Стасевич 2017б: 218–222).

В этой системе сохранения и передачи информации свое место занимают и музеи. Музей, особенно поселкового типа, становится хранилищем традиции, визуальным символом памяти, который демонстрируется не только киргизам, но и туристам, представителям других культур. Естественно, функции демонстрации будут различными, как и функции предметов, изготавливаемых мастерицами. Так, *элекек*, изготовленный для киргизской женщины, станет одним из элементов праздничного костюма; *элекек*, приобретенный туристом или этнографом, займет место в музее или частной коллекции сувениров и выпадет из привычного культурного контекста.

Подведем некоторые итоги. В современном киргизском обществе время ношения традиционного костюма ограничено каким-либо событием. В повседневной жизни современные киргизские женщины носят в лучшем случае элементы традиционного костюма — жилетки, камзолы, декорированные ручной вышивкой, а женщины старшего возраста в холодное время года носят и мягкие сапожки с галошами. Наиболее устойчивой традицией остается покрытие головы замужних женщин платком. Киргизский костюм может использоваться как повседневная, обрядовая, праздничная одежда и как музейный экспонат или сценический наряд — все зависит от контекста и актуализации определенных функций костюма, которые могут усиливаться или, наоборот, ослабевать в зависимости от специфики использования костюма его обладателем.

Изучение исторических фотоматериалов помогает представить динамику изменений костюмного комплекса. Наряду с текстовыми материалами фотоснимки становятся важнейшим источником по истории декоративно-прикладного искусства, костюма, форм жилищ и многих других направлений традиционной культуры.

Предметные и фотоиллюстративные коллекции музеев используются и при реконструкции традиционных форм культуры: современное воспроизведение практик шитья и носки традиционного костюма во многом опирается на исторические фотографии и музейные коллекции. Иллюстративные коллекции Петербургской Кунсткамеры по культуре народов Центральной Азии, в том числе по культуре киргизов, несомненно, представляют ценность для исследователей, интересующихся историей этого региона, а современные полевые материалы дополняют наши знания и фиксируют синхронный срез той или иной традиции.

Список источников и литературы

- Стасевич И. В. Полевой дневник этнографической экспедиции 2012 г. в Республику Киргизия // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. Д. 2120. 54 л.
- Стасевич И. В. Отчет о работе этнографической экспедиции 2012 г. в Республику Киргизия // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. Д. 2122. 23 л.
- Стасевич И. В. Этнографическая экспедиция 2013 г. в Республику Киргизия. Полевой дневник // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. Д. 2182. 45 л.
- Стасевич И. В. Отчет о работе этнографической экспедиции в Республику Киргизия // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. Д. 2183. 22 л.
- Стасевич И. В. Этнографическая экспедиция в Республику Киргизия. Полевой дневник, отчет // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. Д. 2246. 62 л.
- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 402 с.
- Абрамзон С. М., Антипина К. И., Васильева Г. П., Махова Е. И., Сулайманов Д. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 323 с. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXXVII).
- Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1962. 288 с.
- Жаннеисов Е. К. Этнокультурная лексика казахского языка. Алма-Ата: Наука, Каз. ССР, 1989. 282 с.
- Киргизско-русский словарь / сост. К. К. Юдахин. М.: Сов. энциклопедия, 1965. Кн. 1–2.
- Кочкунов А. С., Омурбеков Ч. К. Одежда и украшения // Кыргыз. М.: Наука, 2016. С. 168–190. (Сер. «Народы и культуры»).
- Махова Е. И. Некоторые элементы киргизского национального костюма // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 205–211.
- Прищепова В. А. Из коллекций К. К. Юдахина в собраниях МАЭ // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998. С. 44–54.
- Прищепова В. А. Коллекции заговорили. История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб.: МАЭ РАН, 2000. 270 с.
- Стасевич И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 200 с.
- Стасевич И. В. Головной убор элечек: специфика бытования в традиционной и современной культуре кыргызов (по фотоиллюстративным и полевым материалам) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. СПб.: МАЭ РАН, 2017а. С. 312–320.
- Стасевич И. В. Воспроизведение практики ношения традиционного кыргызского костюма в локальных сообществах (на примере женского головного убора «элечек») // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: материалы XX междунар. науч. конф. / ред. Н. М. Калашникова. СПб.: СПбГУПТД, 2017б. С. 218–222.

THE KYRGYZ WOMEN'S TRADITIONAL COSTUME ACCORDING TO THE PHOTO-ILLUSTRATIVE COLLECTIONS OF MAE RAS AND MODERN FIELD DATA

ABSTRACT. The article is devoted to the study of photo-illustrative materials on the traditional Kyrgyz costume from the collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, dates to the 20–30-s of XX cent. Modern photos taken by of the author during the field research of recent years are drawn as comparative data. The development of the costume complex is considered in the diachronic perspective, in accordance with the processes of transformation and modernization of the Kyrgyz culture. The author pays attention to the modern state of the tradition of making and wearing elements of the traditional Kyrgyz costume, evaluating the activities of public organizations as an attempt to restore the aesthetic, symbolic and practical functions of the traditional costume in the framework of ethnographic performances. Wearing a traditional costume has a limited time by any event in modern Kyrgyz society. In daily life modern Kyrgyz women wear, at best, elements of traditional costume — vests, camisoles, decorated by hand embroidery, head scarves. The national Kyrgyz costume is a kind of composition of modern forms of clothing with preserved elements of the traditional costume. When analyzing modern practice, the author uses his own field materials. Along with textual materials, photographs are the most important source for the history of the costume complex. Artefact and photo-illustrative collections of museums are actively used in the reconstruction of traditional forms of culture. The modern reproduction of sewing practices and traditional socks are largely based on historical photographs and museum collections.

KEYWORDS: photography, ethnography, costume, Kyrgyz, MAE RAS.

INGA V. STASEVICH — Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Department of Central Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)
E-mail: stinga73@mail.ru